

№ 63201/6
С 179

ПАСЛЕЙ САМЫК
ПЕСНЬ МОЯ-АЛТАЙ

212277.

С(Алт.)

С 179.

ПАСЛЕЙ САМЫК

✓ ПЕСНЬ МОЯ-АЛТАЙ

СТИХИ
ПОЭМА

ПЕРЕВОД С АЛТАЙСКОГО

23

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1974

212277
✓
✓

СЕРДЦЕ МОЕ

Сердце мое —
одно безмерное,
свернутое в клубок,
красное и живое
стихотворение.

Стих мой — дыханье мое.
Строчку снимаю с губ.

День ото дня
к людям любовь растет у меня.
День ото дня
революции понимание растет у меня.
День ото дня
расцветает моя человечья суть:
в каждом цветке я вижу улыбку свою,
в каждом ветвящемся дереве — контур моих раздумий,
в каждом встреченном человеке — себя узнаю.

Видно, я никогда не состарюсь,
никогда не умру:

вечно буду с деревьями вместе стоять на ветру,
вечно буду вместе с моими горами Вселенной музыку
слушать,
буду радоваться радостью будущих поколений,
с человечеством, с миром сольюсь —
навсегда.

И никогда
этот стих мне, должно быть, не кончить,
и никогда я, должно быть, понять до конца не смогу:
этот мир, эти люди — где они,
во мне
или — вне?

Я землей становлюсь,
душу ее понимаю,
с деревом, камнем, воздухом
смешиваюсь — живой.

И всю прошлую жизнь человечества,
кажется мне, я прожил,
всю грядущую жизнь человечества,
кажется, знаю я.

МАЯКОВСКОМУ

Старый мир,
как взорванный корабль,
разваливаясь,
медленно шел на дно.

И пели над миром
острые, как бритвы,
освобожденные ветра,
и солнечные лучи смеялись
среди нитей паутины.

И те,
кого люди называли поэтами,
выскакивали на улицу в телогрейках
и никак не могли объяснить,
что же происходит в мире.

И только Блоку,
склонившемуся над озябшим костром
усталой головой,
снились стеклянные сны

об огромных витражах,
расчерченных молниями,
об огромных зеркалах,
принимающих сигналы из Вселенной.

И тогда средь развалин появился ты.
Ты, точно знавший, что все это произойдет,
шел упруго,
раздвигая канаты ветров,
пробуя грубым ботинком развалины —
хорошо ли разломано —
и принимая черновую работу истории...

А там, в глуби истории,
снова складывались в упругие кольца
стальные мышцы диалектики,
чтобы тигром взлететь однажды.

Маяковский,
ты, простиравший руки
в оба конца времени,
скажи мне:
в каком углу Вселенной,
на какой земле
голос твой был выкован
из нержавеющей стали?

Да, великолепно жить,
когда знаешь,
что под руками человека
прогибается пространство.
Да, великолепно жить, когда знаешь,
что по стихам твоим

будет проверяться время,
время будет кроиться по твоим стихам.

И я знаю —
когда прогремел тот выстрел,
перед твоими глазами
проплывали оранжевые планеты
ненаписанных стихов и поэм.

И нет тебя.
Но каждый раз,
когда я охватываю все то,
что сделано тобой,
мне все чаще вспоминаются
гигантские сооружения на Земле,
авторство которых
люди не могут приписать себе.

Когда мы выгнем трассы
к другим планетам
и сквозь время пройдем
к будущей Земле,
я знаю,
что я тебя встречу там
и весело поздороваюсь с тобой,
как со своим знакомым.

Я — ЧЕЛОВЕК

Я слишком человек,
 чтоб киснуть в кабинете!
Я слишком жизнь люблю,
 чтобы тонуть в бумагах!
Я рву цветы, шагаю по планете,
Бросаю в воду камешки
 с размаха!

Иду полянами — прекрасными коврами,
Я — Человек,
 в эпоху Человека
иду, свободный,
 по земле свободной!

Мое ценнейшее богатство — звезды,
и есть ли что дороже!
Мой дом роскошный — этот мир огромный,
и есть ли кров уютней!

Коня седлаю, выезжаю в горы,
разглядываю спящие туманы

и, у костра пастушеского спешась,
вдыхаю воздуха пленительную свежесть.
Неспешные ведем мы разговоры
о том, о сем — и чай мы пьем степенно.
Я — Человек, в гостях у Человека,
в желанном мире здесь я — гость желанный!
А вдалеке дожди висят косые,
и по вершинам молнии шагают.
На них смотря, я сердцем успокоюсь.
На них смотря, я счастьем наслаждаюсь.
О да, я счастлив
на земле прекрасной,
в прекрасной жизни,
среди людей прекрасных,
и этими людьми,
и этим чувством,
и этой мыслью,
и собою —
счастлив!

мечтой возвышенною душу беря, —
я Ленина читаю!

Когда хочу понять мой многосложный век,
когда хочу понять: что может человек, —
Я Ленина читаю!
Я Ленина читаю!

ТАК ЖИТЬ!

Если жить — так вот жить:
устремленно, упрямо, на полный!
Ливни вешние пить
жадной горстью, под кровом из молний!

Так вот жить: мчаться к солнцу, мечтать,
дураков одурачивать,
сумасшедшие ветры за гривы хватать,
поворачивать!

Ненасытен взор —
все ему подай,
ненасытен дух —
плещет через край,

воет кровь моя!
Дышит кровь моя!

Так живу, друг, я!
Так сгораю я!

Я САМ

Человек автономен!

Я сам.

Да, но только ли сам?

С Древом Времени связан я —
листик на тоненькой ножке...

Вот стихи мои.

К шелесту,

к шепчущим их голосам
наклонитесь!

Как горное эхо, усильте,
умножьте!

Строк сырых бурелом
раскидаю,

сквозь них продерусь:

— Эй! Привет, земляки!

Обниму вас,

облаплю руками:

— Ох, и долго я спал!

Сколько зим? Уточнить не берусь —

вы скалу отворили,
с души моей
сдвинули камень.
Вы узнали меня!
Я, как вы, азиат коренной,
здесь, у вечных снегов,
я изведал подъемы и спуски.
Разве эти черты
не напомнили облик родной!
Разве четверостиший орава
вопит не по-тюркски!

Земляки!
Я, как слово само,
перед вами стою.
Я тянусь к вам с доверьем,
за мной — мои строфы и строки.
Положите на пульс их стремительный
руку свою:
метроном это
ваших сердец,
неподкупных и строгих.

ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ

Так ли уж нужны нам, в самом деле,
вещи, тряпки, мягкие постели?

Так ли уж необходимы, право,
эти атрибуты:
имя, слава?

Только б на земле, большой земле,
ни при свете солнца, ни при мгле,
люди бы людей —
не убивали,
накормить детей —
не забывали.

Лишь бы на земле, где дождь и снег,
каждый настоящий человек,
каждый работающий человек,
каждый гениальный человек,
каждый Просто в Мире Человек
был бы счастлив!

212 277

Лишь бы для его
сердца —
здесь хватило бы всего,
в чем, стуча, нуждается оно!

Говорю, друзья мои, одно:
обживаясь — не впадайте в раж,
дух приобретательства — злоещ:
вещи, тряпки — призраки, мираж,
счастье всех людей — вот это вещь!

Пусть от ваших дерзаний
мир в восторге замрет!

Дел несделанных в мире —
невпроворот,
слов несказанных в мире —
невпроворот.

Наше время не ждет,
наше время — пройдет,
и мечта, если вовремя явью не станет, —
умрет.

Темперамент наш — пламя:
жги, ищи, находи!
Мы не сделали многого?
Сделаем!
Цель — впереди!

ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНИЕ

Двадцатичетырехлетний стою.
Синее небо Алтайских гор
за плечами моими,
как крылья.

Чуть приподняты плечи мои —
ибо весь устремлен я в счастье,
словно птица — в небо свое.

Сердце в груди у меня одно,
и с любим, наверное, схоже оно:
на двести лет рассчитано,
на двести лет чистоты.

В зубах у меня зажат
один булатный стих:
«Сердце — это высшее горение,
жизнь — это вечное борение!»
За высшую философию это принимаю,
за высшую поэзию это считаю.

В зубах у меня зажат
этот булатный стих!

Если вдруг я умру
(с кем не случается!),
выньте из души моей совесть мою
и заверните меня в нее,
словно в саван.
Это — главное, чем я дорожил,
о чистоте чего я заботился...

А теперь, мои милые люди,
разрешите мне выйти
на великие перекрестки
и, сквозь горную синь
медленно разглядывая
волшебногоглазых девушек,
дождаться мою единственную любовь,
идущую сквозь синее время.

А вам,
мои милые люди,
чтоб вы не заскучали, —
вот вам эта зеленая веточка —
мое улыбающееся стихотворение.
Нате, держите
цветок моего сердца.
Не уроните.

ГУЛЛИВЕР

Дорога дикого гуся — через моря и вершины.
Птичника обитатель,

тебе ли о ней судить?

Сквозь шторм, сквозь пламя—дорога истинного мужчины.
Комнатный обыватель,

тебе ли о ней судить?

Жизнь,

ты создана,

чтобы

смело тебя прожить!

И сам ведь я

создан,

чтобы

смело тебя прожить!

Дай же мне руку

на равенство, дружбу и веру!

Жизнь,

не дадим лилипутам

связать Гулливера!

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Тук-тук-тук.
Тук-тук-тук.
День и ночь. День и ночь.
Кто-то мчит на коне.
День и ночь. День и ночь.

Луны кружат над ним.
Солнца в нимбах звенят.
Как колеса, года
убегают назад.

Где-то там, впереди, крепость каджей стоит.
Там Нестан-Дареджан в тесной башне сидит.
Витязь в тигровой шкуре на помощь летит.
День и ночь. День и ночь.

Барс могучий с ним был. Как собака, служил.
Он от скачки устал, по дороге отстал.
Триста тридевять стран. Пел о счастье фонтан.
Это все позади. Все, как сон, позади.

Битва, дружба, любовь — это все впереди.
Исполнение надежд — впереди, впереди.
День и ночь. День и ночь.
Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Приближается —
слышите? —
цокот копыт.

Нет!
То сердце мое
(или ваше?)
стучит.

ДИОГЕН
(шутливое)

Мне приснилось, что я — Диоген,
что сижу я в своей знаменитой бочке
и стоит предо мной Александр Македонский,
вопросаает:
— Чего ты от жизни хочешь, философ?

Покорил, — говорит, — я прекрасный Иран,
там красавицы — каждая словно джейран,
и еще я немало земель покорю,
попроси — все, что хочешь, тебе подарю!

А я говорю: — На Марсе
водопровод сломался,
ты бы, что ли, помог починить, — говорю.

Просыпаюсь, еще бессемен и молод,
в комнатенке — отчаянный холод.
— Эх, дурак, — сам себе говорю, —
хоть бы дров попросил, — говорю...

ОГНЕННЫЙ МАРАЛ

По горам Яйлугуша,
как пламя, лечу.
Я горю, я горю!
Так живу. Так хочу!

Я — марал огневой,
огневая судьба!

Перемычки в горах
грудью рушу — обвал!
Припадаю к аржанам
в расселинах скал.

Надо мной золотой
бубен солнца горит.
В колокольчик серебряный
осень звенит.

В жилах — пламя, не кровь.
Крепок мускул стальной.

Ну, а сердце мое —
больше клетки грудной.

Это небо, тайгу,
это солнце люблю!
Эту землю, Алтай,
прославляю, люблю!

Эй ты, бог, сторонись!
Если вдруг захочу,
в небо, Трех Маралух
догоняя,
взлечу!

Что за яростный дух
по земле мчит меня,
не давая покоя
ни дня?

Где-то там, впереди,
браконьер ждет меня,
наклоня рога,
ждет соперник меня,

а — плевать мне на них!
Жизнь, по сущности, — риск.
Хочешь правильно жить?
Мчись, дерзай и дерись!

Эта сила во мне —
чтобы драться, любить,
этот голос мне дан
славу жизни трубить.

Неуемный полет,
молодой непокой —
вот свобода моя,
мой под солнцем покой!

Я — марал огневой,
огневая судьба.

люди разны, как братья,
но
человечество
есть семья!

Антимир вы ищете, физики?
Бросьте, физики:
только одна
в мире есть антитеза миру:
антимир —
это есть
война!

Лишь когда человек человечен,
человек — Человек!

Человек присутствует в мире,
в антимире —
Античеловек.

Называемый Сверхчеловеком,
он на деле —
Античеловек!

Зверь, звереющий в чаще, — создан
таким,
и вины не предъявишь ему.
Человек, человека преследующий,
изменяет себе самому.
У него оболочка людская —
кожа, мускулы, интеллект,
но его оболочка — пустая:
человека внутри ее —
нет.

Ибо суть человека,
как выяснилось,
помещается в сердце...

И, детей чужого народа
превращая напалмом в калек,
на свою человечью природу
он охотится,
сверхчеловек.

День за днем в себе человека
добивает сверхчеловек!

Волк,
попавший в капкан
и марающий кровью снег,
лев, крадущийся за человеком,
человечней,
чем человек,
переставший
быть человеком.

Пусть его постройки
небо скребут,
пусть его города
сияют красиво —
это бессмысленная красота,
это — злая, пустая сила.

Он безмерно страшен в своей пустоте,
он проклят людьми навек —
сверхчеловек,
античеловек,
зверь-человек!

Во Вьетнаме кого сегодня бомбят?
Нет, не только старцев, женщин, ребят —
Человечество,
Человечность.

Эта кровь из наших сердец течет,
и врагам в бою предъявляют счет
Человечество,
Человечность!

1966 г.

МИКИСУ ТЕОДОРАКИСУ

В Эгейском море —
волны,
волны,
волны,
кружат над морем
чайки,
чайки,
чайки.

Я слушаю, а сердцу — больно, больно,
так мужественна, яростна, печальна
твоя музыка,

Микис Теодоракис!

Над милой Грецией твоей
ненастье длится,
листва олив черным-черна
от горя и тоски,
алмазы слез чертят следы
у матерей на лицах,
деревьев корни под землей
сжимают кулаки.

Этот плач, этот гнев, это мужество —
это музыка,
твоя музыка,

Микис Теодоракис!

Вышла женщина к берегу —
песню поет,
в разъяренный простор
песню шлет,
песню шлет.
Но сегодня,
сверкающей пеной обвита,
не родится из волн Афродита.

Темна сегодня
моря синева,
еще темней
темнеют острова,
и долетает с островов
ответом песне —
звон оков.

Или это — моря качанье,
или это — оков звучанье,
или это — земное молчанье,
или —

музыка это твоя
рвет мне душу,
Микис Теодоракис!

Я знаю, в Греции твоей
сребротуманной
свободы факел вновь
померкнул и поник,

и, вырвавшись из тьмы,
тупой,
от крови пьяный,
людские жизни
топчет Критский бык.
Где ты, Геракл? —
зовет земля безмолвно,
зовет листва
и музыки звучанье...

В Эгейском море —
волны,
волны,
волны,
над берегами —
чайки,
чайки,
чайки.

ЧЕГО Я ХОЧУ

Я иду по земле,
как живой, стоязыкий костер
пламя рук своих ввысь,
в жаркий пепел сгорая,
простер.

Запрокинута к небу
моя голова,
обжигают мне рот
раскаленные угли —
слова.

Революции знамя —
святыня моя,
все она для меня —
и корабль
и маяк.

Самых верных друзей,
самых смелых друзей,
самых умных друзей —
вот кого я ищу!

ТЫ

Ты красива,
но есть на земле и другие,
красивые тоже.
И все же —
нет милее тебя.

Ты добра,
но ведь есть на земле и другие,
столь добрые тоже.
И все же —
нет милее тебя.

Ты нежна,
но ведь есть на земле и другие,
столь нежные тоже.
И все же —
нет милее тебя.

Ты чиста,
но ведь есть на земле и другие,
чистейшие тоже.
И все же —
нет милее тебя.

И на целой земле, никогда и нигде,
нет милее тебя!

КАК ПРЕКРАСЕН МИР!

Когда отложишь дела в сторону
и, раскинув руки, посмотришь вокруг,
ты невольно и просто воскликнешь:

— Здорово!

Как прекрасен мир! —

удивишься вдруг.

Я иду,
все живое сердцем приемля,
слышу голос кукушки в ельнике густом.
Не ее ли крик, упавая на землю,
цветами и травами восходит потом?

И, кажется, знаешь
душу всего сущего,
плавающего, летающего,
дышащего, растущего,
и меня окружает бесчисленная родня,
и каждый просит:
— Люби меня!

— Полюби нас! — цветы, раскрываясь, просят
и склоняют головки в немой мольбе.
Ветер лепет реки из низины доносит:
— Неужели язык мой непонятен тебе?

Старые лиственницы, нахмурившись строго,
плеч моих касаются колючей рукой:
— Мы прожили много, мы думали много,
переведи нашу мудрость
на язык людской!

Изболелась душа моя, истомилась,
ведь со всех сторон, от зари до зари,
просят:
«Будь нашим голосом, сделай милость!
От нашего имени говори!»

О, сумею ли здесь, на земле родной,
чистым голосом стать
красоты земной?

РАНО УТРОМ В ГОРОДЕ

Рано утром
голуби ходят, воркуя, карнизами —
рано утром.

Рано утром
тополя светом солнца пронизаны —
рано утром.

Рано утром на улицах —
столько стройных девчат!
Их глаза блестят,
каблучки стучат —
рано утром.

Ветки, словно качели, качают скворчат,
грузовики на дорогах ворчат —
рано утром.

Рано утром
в этом мире,
затопленном солнечным светом,

в этом мире,
звнящем, как голубое стекло,
может сбыться все,
что загадано было поэтом,
может разом, навеки
погибнуть земное зло —
рано утром!

РАНО УТРОМ В ДЕРЕВНЕ

Рано утром,
едва открываешь глаза,
их слепит бирюза
яркой толщи могучего, мощного неба.
Словно только что сотворенное,
отделяясь от земли,
ввысь летит и летит,
и звенит, и звенит,
улетает,
тает,
никак не растает.

Открываешь дверь —
у крыльца
теплым ковриком солнечный свет.
Ходят голуби, куры,
клюют золотые зерна,
празднуют.

А у коновязи — конь,
от него — почти огонь,

не огонь, так дым,
а не дым, так пар —
добрый конь, горяч, не стар!
И первый певец, прославляющий день, —
петух —
уж давно взлетел на плетень,
и во взгляде певца — торжество.
Коромыслу подобно, изогнута песня его.
А длинна-то, длинна!
Удивительно, как не устанет —
так долго он тянет,
что страшно: вот-вот
голос
сорвет.

СМОТРЮ С ГОР

Ночь.
Подперев ладонью подбородок,
я с гор смотрю.
Там светят города.
Неслышно
грохоча на поворотах,
игрушечные
мчатся
поезда.

Там, в городах,
где жизнь летит, блистая,
чего искал я
и мечтал о чем,
застенчивый и гордый
сын Алтая
с пастушеской котомкой
за плечом?

Быть может, силы,
возгордясь, пытал,

быть может, славу
обрести мечтал?

О, не свою ли песню
убивал я?

О, не свои ли
предавал слова?

Себя, как дерево,
из почвы вырывал я,
и стала вдруг
желтеть моя листва.

А ночью мысли,
словно бы кометы,
все ярче,
все внезапней,
все острей
прочерчивали мозг мой.
Может, это
и было
тайной славою
моей.

Я честен был!
В слова влагая душу,
не тратя даром сил
на пустяки,
писать уже умел
других не хуже
сверхинтеллектуальные
стихи.

Но в это время
где-то в синей дали,

в грозу, при вспышках
белого огня,
топтались табуны,
метались,
ржали,
разыскивая, может быть,
меня.

Пастушки-сестры
шли тропой туманов,
в горах встречая
без меня зарю...

Я возвратился,
не пропав,
не канув.
Смотрю в долину.
Думаю.
Смотрю.

Здесь — мой народ,
здесь — все мои родные,
я к ним сегодня обращаю речь.
Мне — не до тонкостей кулинарии,
мне научиться б
хлеб насущный
печь.

Но я еще вернусь к вам,
города,
и не за славой
я приду тогда!
Приду, скажу:
«Теперь уже не стану

ни подражать,
ни жаться в уголке:
судьба земная
черного Имана,
судьба земная
рыжего Ивана
в моем сегодня
песенном мешке!

Мой стих
не отраженным светом ярком
чужих открытий,
мыслей и стихов.
В нем — смех усталый
девушек-доярок
и жесткая закалка
пастухов.

В нем — сны туманов,
бег коня лихого,
крик журавлей,
над облаком — звезда,
все, что живет во мне
и просит слова...»

Немного подождите,
города!

молодым гореньем:
жизнь, не уставать!
Мимо электричка
пролетит —
и долго
рельсы
с тихим звоном
будут остывать.

Есть ведь и у поезда
цели и заботы:
уложиться в график,
вовремя поспеть...
Снег с ветвей обронят
сосны сквозь дремоту,
будут мчаться лыжи
и лыжня скрипеть.

Хорошо нам вместе
на просторе мира.
Четок на поляне
след от пары лыж.
Наши две дороги
на просторе мира
неразлучны, словно
след от пары лыж.

Быть все время рядом —
это ли не счастье?
Ты скользишь по следу —
спутница, жена.
Две полоски ровных
на скрипучем насте —

след судьбы, которая
на двоих — одна.

Вечер поджигает
снег
лучом наклонным,
на сугробах тени
синие грустят.

Думаю: как здорово
в мире быть
влюбленным!..

И простором жизни
лыжи шелестят...

НА КАДРИНСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Сверстник мира — Алтай,
древний-древний,
любимый, хороший!
Вместе с хлябью и твердью
твоя красота рождена.
О, твой лик медно-бронзовый,
мохом поросший!
О, задымленный старый узор
на боку тагана!
О, не там ли, в дали,
нежной дымкой повитой,
у походного теплящегося огня
богатырь легендарный,
Алтай-Бучай знаменитый,
расседлал Хан-Джейрана —
боевого коня,
белоснежный, как хлопок,
потник расстелил по долинам
и забылся — на десятилетия —
сном:
богатырским, былинным?

Звездоглазый Алып-Манаш,
стройный юноша с тонким станом,
в сапогах, у которых
загнуты кверху носки,
там оленя преследует,
мощным хребтам-великанам
наступая
с хрустом

на позвонки!
В белооблачном шарфе
стоит великанша Белуха.

Из расселины льется
источник с волшебной водой.

Слышу голос Хозяина Гор —
голос мудрого Духа.

Достает из-за пазухи он
чоочой золотой.

Чоочой —
светлобокая чаша —
на солнце горит,

и, воды зачерпнув,
мне Хозяин-мудрец говорит:

«Если хочешь народу,
отчизне своей послужить —

по великому счету
свой век ты обязан прожить!»

То ли сердце само,
то ли ветер мне шепчет такие слова —
и смотрю я вокруг,
и кружится моя голова!

ЭТОТ НОЧНОЙ ВЕТЕР

Этот ветер ночной — неужели сошел он с ума?
На кого рассердясь, он стучится в людские дома,
этот ветер ночной?

Для чего он тревожит уснувших людей?
Для чего замирает у окон, дверей?
Для чего налегает на ставни плечом?
Вопрошает — о чем?
Умоляет — о чем?

Может, где-то
пожар занялся на земле?
Может, путник
один заблудился во мгле
и взывает о помощи —
слабый,
больной?

А, быть может, он — я,
этот ветер ночной?

НОЧЬ

Ночь темноглазая
смотрит в комнату.
Мир потонул во мгле.
Думаю.
О жизни своей — думаю.
Часы стучат на столе.

«Я твой друг, — мне ночь говорит. —
Узнаешь меня? — шепчет мне. —
Знаю: будешь опять
до рассвета не спать,
будешь мир постигать
и себя постигать
до утра
в ночной тишине».

«Я твой друг молчаливый, —
говорит она мне. —
Твои лучшие мысли
рождались в моей тишине,
улетал ты к созвездьям

в просторах моих,
что узнал — Расскажи», —
говорит она мне.

«Много раз, — говорит, —
в моей тишине
оставался ты с совестью наедине,
сокровенное
из глубин души
поднималось,
всплывало
в моей тиши.

И пока ты жив,
я с тобою — рядом,
тишиною моей
и взглядом
я всегда тебя поддержу,
я раздумья твои сторожу...»

Миги времени отсекая,
на столе будильник стучит.
За окном большая-большая
зверем сказочным
ночь стоит.

Мысль моя,
как острая молния,
с треском рвет
времен полотно.
Не мигая,
глазами темными
смотрит ночь на меня
в окно.

ЭХ, МИЛАЯ МОЯ...
(шутка)

Эх ты, милая моя,
маленькая жenuшка!
Сладко дышишь ты во сне,
ровно дышишь,
солнышко!

И не знаешь: я — не сплю,
молча жду зарю.
Может, я с Леоновым
среди звезд парю.

Может, погибаю,
зубы стиснув яро,
на холмах Боливии
с майором Гевара...

Ну, что тебе стоило,
женушка моя,
выбрать не такого
супруга, как я?

Вы бы уж, наверное,
мотоцикл купили.
Вы бы уж, наверное,
На «Москвич» копили.

Ты сейчас бы, радуясь
жизненной удаче,
поливала вдохновенно
огурцы на даче.

А с меня — что возьмешь?
Алтайский поэт,
все имущество его —
его тридцать лет.
Десять метров комната —
и весь белый свет.
Ничего более
у меня нет.

Кто-то скажет о тебе:
«Невезенье редкое»,
дорогая ты моя,
женушка корректора...

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ ДЕМОН
ЖЕНИЛСЯ НА ТАМАРЕ

(шутка)

Михаил Юрьевич Лермонтов
нам не весь поведал сюжет:
На Тамаре Демон женился
и прожил с ней много лет.
Но Тамара, хоть и красавица —
только женщина, а не птица.
Волей-неволей Демону
пришлось на землю спуститься.

Дети пошли, хозяйство —
надо же как-то жить!
Демон сложил свои крылья
и поступил служить.
Но прошлое долго-долго
от него не могло отстать:
придет с работы, бывало,
хочу, говорит, летать!
Детей на колени посадит,
расскажет, как жил, летая,

как парил над вершинами
Кавказа, а также Алтая.
Плачет, бывало, Демон,
жалуется, небрит:
все, говорит, мои таланты
ушли на семью, говорит.
А то незаметно трешку
прихватит — и за порог,
и в темноте растает
(как это всегда он мог),
и с другом, шофером Колей, пьет,
пока не станет светло,
и только утром к себе домой
бредет, волоча крыло.
— Где ты был? — Тамара накинется, —
аспид, пьяница, лиходея?!
— Я полетал немного, —
Демон тихо ответит ей.

Как не понять Тамару —
беда с таким муженьком!
Бежит в женсовет многодетная мать,
оповещает местком.
И я там был, но меду не пил,
ничего не текло по усам:
я был на собрании секретарем,
я протокол писал,
слышал, как Демон каялся,
малым детям под статью:
больше, говорит, не буду
ни пить, говорит, ни летать.

Выяснилось: и на службе
с ним было мученье одно —

разложит, бывало, бумаги,
сидит и смотрит в окно,
туда, где синее небо,
где края облаков горят...
И план всему коллективу
чуть не сорвал, говорят...

Ох, и досталось Демону!
Жалко было его.
Женщин бригада целая
накинулась на одного,
сколько их было, не помню,
но, кажется, пять или шесть,
а пять или шесть рассерженных женщин
способны и черта съесть.

Теперь исправился Демон,
не пьет, впустую не грезит,
купил мотоцикл,
на рыбалку
по воскресеньям ездит,
ходит красивый, румяный,
с кругленьким животом,
скоро квартиру получит новую —
профсоюз хлопчет о том.
Больше в тоске непонятной
не смотрит на небо, в окно,
после работы, в пижаме,
садится за домино.

Еще иногда пытаются
ребятишки к нему пристать:
— А правда ли, дяденька Демон,
что вы умели летать?

Вздохнет чуть заметно Демон,
 гладок, чист и побрит:
молод был, говорит,
 глупый был, говорит,
 вот и летал, говорит.

Идея моей поэмы
 здесь выражена прямиком:
Демона перевоспитавший —
 да здравствует наш местком!
Да здравствует непреклонный
 настойчивый женсовет!
Демону преображенному
 здравствовать много лет!

ВОРОБЫШКУ

За окном, на балконе
сидит воробей.
Взглядом солнца согретый,
сидит воробей.

Чистит перья свои, прихорашивается,
радуется,
пробует крылья.
Видно, сильно промок
на вчерашнем
большом дожде!

Ах, ты маленький, серенький
дурачок,
ты всего-то навсего
с кулачок,

а ведь тоже имеешь
свои представленья о счастье,
любишь — солнце когда,
и не любишь ненастье,

ты великую мудрость
усвоил неплохо:
хорошо — когда хорошо,
плохо, ежели плохо!

Ну, а я-то,
плечистый такой и большой,
с ненасытной моей
человечьей душой,

изменять научившийся
облик земли,
посылающий в космос
свои корабли, —

как себя утолю я,
горящего, будто в огне?
Так ведь много
нужно для счастья мне,
о, как много
нужно для счастья мне!

ВЕТЕР ВЕРШИН

ВЕЧНАЯ ГОЛУБИЗНА

Голубые, голубые реки
вдаль бегут со звоном голубым.
Голубые голоса кукушек
впитывает влажная земля.

Голубое шелковое небо
птицы-челноки, летая, ткут.
И озера,
тоже голубые-голубые,
мне в глаза текут.

Голубые-голубые елки
по полям проходят голубым.
Голубые-голубые горы
высятся под солнцем золотым.

Над страдою моей,
над мечтою моей,
над бедою моей,
маетою моей,

над любовью моей
и тревогой моей,
над становьем моим
и дорогой моей —

мой Алтай,
высота голубая твоя,
мой Алтай,
чистота голубая твоя,
мой Алтай,
доброта голубая твоя.

И душа моя будет покуда жива,
будет жить в ней, светла, молода,
синева,
синева,
синева,
 навсегда,
 навсегда,
 навсегда.

СЫНУ ЭРКИНУ

(стихи с неолигизмами)

Мой сын Эркин родился на Алтае,
в его крови — алтаинка родная,
он отчий край полюбит сердцем чистым,
алтаелюбом станет, алтаистом.

Родясь в горах, наследовал он горство:
стремленье ввысь, бесстрашие и упорство,
а вырастет он — станет истым горцем,
горопроходцем будет, гороборцем.

Родился он среди родной природы,
ручьев родных его вспоили воды,
он вырастет здоровым, белозубым,
природолюбом будет, конелюбом.

О да, друзья, он будет смелый конник,
песнепоклонник и танцепоклонник,
он будет мчаться по горам и рекам,
взлетать на лыжах — птичечеловеком!

Так будет жить он, духом вырастая,
в стране добра, в Коммуне, в Добростане,
когда исчезнут все следы Злоцарства,
а с ним обмана, зависти и барства.

Пусть, ненавидя человекозверство,
всегда он ценит в людях чистосердство,
пусть, веря человеческому взгляду,
находит в добротворчестве отраду.

Пусть и сынам, когда черед ударит,
а лтайчество, как отчество, подарит,
пусть и они воспримут сердца глубию
народознанье и отчизнолюбье!

ДУША ВЕТРА

У ветра есть душа — я это знаю!
Я по себе отлично это знаю:
ведь он, как я,
всегда летит куда-то,
и достигая,
и не достигая.
В нем тоже, видно, что-то есть такое,
что мне всю жизнь, с рожденья, не дает
покоя —
и мучает, и гонит вдаль, вперед,
велит искать, стремиться, торопиться...
Мечта?
А может, просто любопытство?
И мы летим дорогой голубой,
а если остановимся, устанем,
то — перестанем
быть в тот же миг:
он — ветром,
я — собой.

РОДИНА

Горы мои, горы!
В полдень яркий,
ночами ли,
ваших вершин молчание
звучит —
гордо.

Подобно клинкам скрещенным
отблески вечного льда.
О, я не от их ли света
прищурился навсегда?

Или — весной далекой,
когда в долинах светло,
сквозь древний скуластый камень
лицо мое проросло?

Алтай, моя серебристая,
ясная, чистая даль,
С рожденья мне подаренный
прозрачный, светлый хрусталь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я ночами к тебе прилетаю, Алтай.
От далеких вокзалов,
грохочущих где-то,
от аэропортов,

от наполненных светом
городов,
исходящих
ночью пляской реклам.

Я к тебе прилетаю,
черноглазый народ.
Я аилы твои,

точно гнездышки ласточек,
обнимаю,
дождями умытые ласковыми,
моя горная родина,
голубой мой Алтай.

Люди будущих лет в моем сердце, как плод.
Те, что гордо, как шарф,
будут связывать ветры.
Их бесстрашный язык,
весь пронизанный светом,

созревает в моей истомленной груди.
И хочу ль я писать —
мне трудно писать,
иль хочу я любить —
мне трудно влюбиться:
речь грядущих поэтов
в мой вторгается стих,
их любовью большой
наливаются сердце и бицепсы.
О Алтай мой, Алтай —
Октябрем возрожденный народ!
Вот от искры в горах
вспыхнул сабельный выскерк —
и как будто из камня
судьбу твою высек!
Ты свободу обрел,
как повязку сорвавший орел.
И по гордым горам,
угрожая богам,
ты идешь,
разрастаясь, как можжевельник.
Я хочу языком твоим
правду сказать,
как сливаются в братстве народы и реки.
И когда мне трудно
и полон рот
слов,
багровых как кровь,
задыхаясь словами,
я, как демон,
неслышно,
распластавшись крылами,
над тобой наклоняюсь,
Алтай.

И к твоим сине-снежным
и нежным горам,
к хладным скалам твоим,
будто лезвие стали,
воспаленным я лбом
прижимаюсь устало,
моя горная родина,
черноглазый народ.

Верю я, что к высокой цели ваш путь,
верные всадники!
Пусть счастливым и ясным будет ваш путь,
добрые всадники!
Ваше дело да сбудется на земле,
дружные всадники!

В КОШ-АГАЧЕ

В кош-агачских степях
злые ветры свистят.
Там белки, как клинки,
в синей дали блестят.

Зиянуров,
товарищ,
припомни, как мы
заблудились
дорогой
в «Кызыл-Мааны»
и попали
в казахско-алтайский колхоз.
Было войлочных юрт —
что стогов в сенокос!

Там на землях песчаных
отары пасет
богатырский
(а, значит, и добрый)
народ.

Слава гостеприимству!
Были речи просты.
Угощали нас щедро —
от всей
доброты!..

Ну, прощай, Кош-Агач!
Скоро встретимся вновь.
Этот стих мой — ответ
на привет
и любовь.

Не лесами ты славен —
степь суха и пуста.
Вся — в народе,
вся — в людях
твоя
красота.

В ГЛУБИНАХ ГОР

Я здесь возник — в глубинах гор,
и грохот падающих рек
теперь в крови моей навек.

Да, я возник в глубинах гор,
под самым небом с детства жил.
С меня стекает до сих пор
прозрачный свет ночных светил.

Да, я возник в глубинах гор,
и грозный отблеск ледников
упал на дно моих зрачков.

Да, я возник в глубинах гор
народа небольшого сын,
мне дали крылья и простор
орлы, хозяйева вершин.

Слова родного языка,
как серебро, гремят во рту,
растут, как кедры, в высоту.
Истории моей века
пьянят, как тлеющий арчин.¹

¹ А р ч и н — можжевельник.

ВЕТЕР ВЕРШИН

Осень.
Рушатся с бурых нагорий
злые,
звонкие, свежие ветры,
и бушуют леса,
словно море,
желтой краской
обрызганы щедро.

Лето было!
От медного зноя,
духоты,
комариного писка,
выше, в горы,
к прохладе альпийской
уходило тогда
все живое.

Я и сам
от асфальтов, расплавленных в жижу,
пересудов и сплетен,
коротких и длинных

Я люблю тебя,
я ловлю тебя,
распахнув объятия,
ветер!

Ну, а ветер все крепче,
он летит и поет,
свищет, воет —
по-доброму злой,

В это время
каждое дерево
сдает экзамен:
кто крепче связан
с землей.

Листопад —
колесом!
Каруселью —
листы!

И леса
для грядущего лета
чисты!

Стало небо пустыней,
ветром провеянное,
птицы ищут на время
в скалах приют,
лишь вороны,
дуры самоуверенные,
неуклюжими крыльями
против ветра гребут.
Но проходит всего минута,
и —
в кусты, развернувшись круто!

ПЕСНЬ БАТЫРА ВРАГУ
ПЕРЕД БОЕМ
(подражание эпосу)

Диких коней объезжать я родился,
гордые песни слагать я родился,
храбрых в бою побеждать я родился,
снежных вершин достигать я родился.

Девушек нежных любить я родился,
в песне хвалу им воздать я родился,
звезды на небе добыть я родился,
людям добычу раздать я родился!

Солнышку радоваться, как дитя,
наглого наземь валить шутя —
вот для чего я родился!

Славу народа хранить и беречь,
гордость в сердцах пробудить и разжечь —
вот для чего я родился!

Кто я?

Алтайский бесстрашный джигит!
Кто, дерзновенный, меня победит?

Ты ли меня одолеешь, наглец,
лютую злобу на сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта земля — мать моя!

Шаг мой один — десять твоих!
Слово одно мое — десять твоих!
Верх надо мною

взять ли тебе?

Нет!

Ни в гоньбе,

ни в борьбе,

ни в стрельбе...

Непримиримые, вышли мы в бой,
правда — за мной, а обман — за тобой.
Вышел я в бой сам — один, сам собой —
сколько приспешников вышло с тобой!

Ты ль победишь, злобный хитрец,
черные помыслы в сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта земля — мать моя,
ткани туманов —

пеленки мои,

воды аржанов —

кормильцы мои!

У чабанов, конечно,
отчаянные заботы:
нет сена,
 трава — под снегом,
 и небо — сплошь в облаках.

И точно в срок, не ко времени,
настала пора окота,
сквозь вьюгу ребята-сакманщики
несут ягнят на руках.

Небо такое хмурое,
что опускаются руки!
Ведь столько мы, люди, ждали,
жаждали этой весны!
Но скрылась весна под снегом,
скрылась по всей округе,
и мы разводим руками,
растеряны,
смущены.

Но —
как бы зима-старуха
ни злобствовала напоследок,
весна не остановилась,
помалу — свое берет.
Птицы не замолчали
среди нерасцветших веток:
дрожат — но поют!
И время
тихонько
идет
вперед.

А чей это голос слышится
с лиственничной опушки?
То — голос извечной вестницы,
зовущей весну встречать,
не соловья знаменитого —
простой алтайской кукушки.
Ее,

раз время настало,

заставишь ли

замолчать?

Идут ребята-сакманчики
(а снег все падает с неба),
у них на руках — ягнята
(а снег мелькает, слепяц).
И малой птицы — кукушки —
на мрачном празднестве снега
песня звучит

весенняя,

о солнце —

среди голых чащ!

ВОСХВАЛЕНИЕ
КРАСОТЫ АЛТАЯ
(подражание эпосу)

Ты под солнцем и луной
лег, Алтай прекрасный мой,
с гор срываются ручьи
животворные твои!

Ты стоишь, как великан,
крепкий панцырь твой тяжел,
степь, как шумный океан,
плещет в каменный подол.

Здесь, богатые листвою,
мощно встали тополя,
богатырь здесь мчался в бой —
вся в следах копыт земля.

Здесь от главного хребта
разбегаются хребты —
говорится неспроста,
что похож, Алтай мой, ты
на гигантскую стрелу,
оперенную стрелу,

что над миром пронеслась,
синим пламенем светясь,
расколов ночную мглу!

Слышу я в тиши твоей
поступь сказочных коней,
слышу оклик и напев
легендарных дивных дев!

РУКИ ОТЦА

и весь род засыпал,
и горы стояли хмуро,
и луна была кругла, как печать,
тихо-тихо струны топшура
начинали
сами

звучать!
То ровнее и глуше,
то звончей и быстрее...
Это в них оживали души
легендарных богатырей!

Ну, а что же могло присниться
вам, руки отца?
Только одно: работа, работа,
работа без края и без конца...

Снится вам, как с утра вы коня запрягали,
как вы снег, белый снег у стогов разгребали,
как вы сено овцам потом раздавали,
как, замерзнув, потом над костром колдовали,
как нехитрый обед на стоянке варили,
как потом вы коня из ведерка поили —
ничего-то вы, руки отца, не забыли!..

Вспоминаю жизнь отца моего:
детство его, сиротство его.
Помогая братьям, родитель мой
петли на зайцев ставил зимой,
а летом, бывало, мой дед Самык,
с преогромной пилой, хоть сам невелик,
во главе своих сыновей-сирот,
что остались без матери в трудный год,
шел, кряхтя, наниматься на пилку дров...

Обходили немало они дворов,
приходили и в тот, на краю села,
где — подросток — мама моя жила.
Мама жила, доли ждала,
о судьбе гадала при белой луне...
Это мама потом рассказала мне.

Но не только пилою и топором
и другим крестьянским инвентарем —
мой отец не худо владел пером,
в сельсовете работал секретарем!

До сих пор бытует в селе рассказ
про один сочиненный отцом приказ.

Вышло так, что парни раз подрались
из-за девушки. Звали ее Кылыс.

И тогда отец, объявив сгоряча
им — от имени граждан села — «строгача»,

предписал им просто, как «дважды два»,
для общественной пользы пилить дрова,

и дровами — хотят они или нет —
обеспечить школу и сельсовет.

Две недели, смеясь, меж своих забот,
приходил драчунов посмотреть народ,

проследить, чтоб выполнили урок,
присмотреть, чтоб никто лениться не мог...

Эти парни были: мой дядя Токшин,
Капыкчи Телес и Чинат Эркин.
Случай тот им запомнился до седин,
но не держит зла на отца ни один.

Потому что не только была крепка —
справедлива была отцова рука,
хоть, возможно, он в чем-то «превысил права»...
Вам бы силу такую, мои слова!

А еще,

кроме всякой крестьянской работы
и писанья приказов,

помню отлично я:
были словно бы созданы

руки отца

для охоты,
для красивой, точной и тонкой машины —
ружья!

Двух козлов подряд на одном месте,
четырёх подряд на одном месте,
разом двух — на бегу,
общей пулей,

в одно мгновение,

вместе —

вот как мог мой отец!

Я уже — не могу...

(Примечание следует от поэта:

никогда не стрелял он ради игры,
и, притом, браконьерством
не называлось это —
больше было в горах

зверья в те поры...)

Помнят все, кто отца в те годы знал:
на охоте

всегда он удачлив бывал,
гость врасплох никогда его не заставлял —
бабкин черный казан остынуть не успевал...

Дни войны.

Заграница.

Отец мой — у пулемета.

Прикипели к металлу руки отца.

Падает, падает вражеская пехота
и остается лежать,

не поднимая лица.

Было и так:

с пулеметом из окружения

сам пробился отец

и десяток товарищей спас,

вывел

в наше расположение —

И к награде представлен был в тот час.

А наутро — приказ выступить.

И где-то

от него награда отстала в пути...

До сих пор она, говорят, по свету

ищет отца — и не может найти.

Вот мы День Победы встречаем...

Но недостаток не сразу придет в колхоз.

Непросохший курут

отец ломает за чаем:

«Лишь бы сын здоровым и сытым рос!..»

Он склонился ко мне — и снова, и снова
гладит по волосам, по щеке...

Прославлю вас, добрые руки отца,
прославлю вас, честные руки отца,
прославлю вас, чистые руки отца,
славить вас я готов без конца!

Вы — как две плодородные пашни,
вы — и крепость, и кров наш всегдашний,
вы надежно прикрыли очаг наш домашний,
Отдыхайте, усталые, вволю,

о руки отца,
завтра вновь на работу, в кошару и в поле,
о руки отца...

Это слово — во славу
не отца одного,
утверждаю: не дело —
славу петь одному.
Это слово — во славу
поколенья его.
Этой славы по праву
часть — наградой ему!

Это слово — во славу
всем трудягам честным,
вам, работникам честным,
вам, опора страны,
вам — простым и надежным,
вам — таким непростым,
вам — пришедшим с войны,
не пришедшим с войны,

всем, кто пашет и сеет
и отары пасет,
варит сталь на заводах,
создает города,
с кем достигнем любых
заповедных высот,
не сдадим, не отступим
нигде, никогда!

СОДЕРЖАНИЕ

Я — человек!

Сердце мое. Перевел И. Фоянков	5
Маяковскому. Перевел Г. Панов	7
Я — человек! Перевел И. Фоянков	10
Читая Владимира Ильича. Перевел И. Фоянков	12
Так жить! Перевел И. Фоянков	14
Я сам. Перевел Ю. Гордиенко	15
Истинное счастье. Перевел И. Фоянков	17
Не хнычьте! Перевел И. Фоянков	19
Двадцатичетырехлетие. Перевел И. Фоянков	21
Гулливвер. Перевел И. Фоянков	23
Витязь в тигровой шкуре. Перевел И. Фоянков	24
Диоген (шутливое). Перевел И. Фоянков	26
Огненный марал. Перевел И. Фоянков	27
Античеловек. Перевел И. Фоянков	30
Микису Теодоракису. Перевел И. Фоянков	34
Чего я хочу. Перевел И. Фоянков	37
В каждой девушке встречной. Перевел И. Фоянков	39
Ты. Перевел И. Фоянков	40
Как прекрасен мир! Перевел И. Фоянков	42
Рано утром в городе. Перевел И. Фоянков	44
Рано утром в деревне. Перевел И. Фоянков	46
Рано утром на Алтае. Перевел И. Фоянков	48
Смотрю с гор. Перевел И. Фоянков	49
Голубые лыжники. Перевел И. Фоянков	53
На Кадринском перевале. Перевел И. Фоянков	56
Этот ночной ветер. Перевел И. Фоянков	58
Ночь. Перевел И. Фоянков	59
Эх, милая моя... (шутка). Перевел И. Фоянков	61
Что было бы, если бы Демон женился на Тамаре (шутка). Перевел И. Фоянков	63
Воробышку. Перевел И. Фоянков	67

Ветер вершин

Песнь о Родине. Перевел И. Фоняков	71
Вечная голубизна. Перевел И. Фоняков	73
Сыну Эркину (стихи с неологизмами). Перевел И. Фоняков	75
Душа ветра. Перевел И. Фоняков	77
Родина. Перевел И. Фоняков	78
Возвращение. Перевел Г. Панов	79
Всадники. Перевел И. Фоняков	82
В Кош-Агаче. Перевел И. Фоняков	84
В глубинах гор. Перевел А. Ревич	86
Ветер вершин. Перевел И. Фоняков	88
Песнь батыра врагу перед боем (подражание эпосу). Перевел И. Фоняков	92
Кукушка среди снега. Перевел И. Фоняков	94
Восхваление красоты Алтая (подражание эпосу). Перевел И. Фоняков	97

Руки отца

Руки отца. Поэма. Перевел И. Фоняков	101
--	-----

Паслей Самык
(Самыков Василий Тордоевич)

ПЕСНЬ МОЯ — АЛТАЙ

Стихи. Поэма
Перевод с алтайского

Редактор К. Саранча
Художник В. Раменский
Художественный редактор Б. Лупачев
Корректоры Л. Зеленская, Н. Тырыш-
кина

АГ 07926. Сдано в набор 23. XI. 1973 г. Подписа-
но к печати 6. II. 1974 г. Форма 70×108/32. Бу-
мага тип. № 1. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 3,2.
Заказ № 2684. Тираж 3000 экз. Цена 44 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного
Комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли —
Барнаул, пр. Ленина, 76. Производственное объе-
динение «Полиграфист» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Алтайского
крайисполкома — Барнаул, ул. Льва Толстого, 29.

11

44 коп.

